

...ВРЕМЯ ТРЕПЕТА И ДВИЖЕНИЯ*

Всё как когда-то — поэт и художник смотрят на природу. Их глаза видят то же, что видят и другие люди. В результате наблюдения художника и поэта появляются листы с рисунками и стихами — зарисовки фрагментов увиденного ими мира. И стих, и рисунок самостоятельны, но неотделимы один от другого: один сюжет, одна композиция. Но стих не комментирует рисунок, а рисунок не иллюстрирует стих. Это некая современная архаика, отражение незримого процесса уравновешивания человеческого и стихийного в самом непосредственном их взаимодействии: наблюдение, впитывание, движение (ручки и кисти), упорядочивание. Художник и поэт, каждый в отдельности и вместе одновременно, фиксируют в каждой зарисовке осознание себя как части природы. Ничего не придумано, ничего не добавлено, никаких бликов, всё естественно. Красиво и ёмко.

*Красота сильна в каждом мгновении и месте. И не то чтобы её не умеют видеть. Каждый в детстве восторгался от того, что облако изменило вдруг форму, от того, что кора тополя тёплая, осока острыя, а волна солёная, и этим восторгом жил. Всем тогда был процесс, а вовсе не результат. Не его ожидание. В мире, в природе всё красиво по одной простой причине — там нет ничего лишнего. И в этом гармония...**

В чём причина невозможности современного человека признать в себе наличие желания наслаждаться увиденным, способности выражать искренний восторг, честного проявления эмоций? Вообще, свойственно ли это ему?

Свойственно. Чувства отражаются на лицах людей, смотрящих на своих детей или возлюбленных, они присутствуют в подписях под фотографиями в статусах социальных сетей...

Почему тогда нас так страшит открытое восхищение рассветом или любование луной и звездами? Почему, когда речь заходит о красоте,

начинается странное стеснение или агрессия — поведение провинившихся подростков, пойманых ночью за чем-то весьма неприличным? Почему мы считаем, сразу и безапелляционно, что такое восторжение есть признак нарочитой инфантильности?

Но более того, непонятно упорное стремление к минору, к избыточному страданию и унижению. И неизвестно, что сильнее удивляет — страдания ли, продуманные и обставленные с театральной тщательностью, так что в них не остается ничего от настоящего и живого, или критическое нарочитое отстранение, дошедшее в современном мире до абсурда, до вечной непроходимой депрессии.

Особенно остро эти процессы видны «на теле» современного культурного процесса. Критичность и отстранённость художников и литераторов второй половины прошлого века были понятны и необходимы. Но «та» критичность выражалась в отношении к исторической ситуации — политике, обществу, экономике, а не к миру и природе как таковым. Отстранение от чувств, от натуры и подмена их искусственной красивостью или излишней социализированностью были не чем иным, как одним из методов разрушения существующей системы, а не попыткой отказаться от эмоций как от чего-то отжившего. Применяемый тогда метод сейчас не просто устарел, он перестал быть методом и, став закостеневшим, но обязательным качеством произведения, потерял смысл и назначение, абсорбировав в себе свойства каменного тарана. И применяется он сейчас только потому, что «надо применить», чтобы не прослыть несовременным и выпасть из системы успешности.

Критическая отстранённость из способа защиты стала нормой: слова, образы, идеи потеряли смыслы, перестали быть значимы. И очень неуютно, когда «это красиво» звучит как уничтожительная ирония, как саркастическое сожаление. Не хотелось бы быть в мире, в котором априори нет места красоте или искренности.

* Здесь и далее: цит. Никиты Замеховского.

Создаётся ощущение, что за критичностью скрывается страх. Но что страшит больше — прослыть инфантильным глупцом или обнаружить/обнажить пустоту в сердце?

Современной аудитории творческий восторг перед природой может показаться инфантильным. В мире, где привычно рассматривать серые (взрослые) складки измятых социальных отношений, умение сохранить цветное восприятие мира, и не только мира людей, логично кажется несостоительной детскостью.*

Так в чём же проблема? Один из авторов альбома сказал, что «умение видеть красоту и восторгаться ею — одно из самых сложных умений в жизни». Это умение — психологическая составляющая человека. Его, как любую мышцу тела, к примеру, надо обязательно тренировать, питать и находить в себе смелость пользоваться им, применять по назначению.

Каждый фрагмент альбома есть не что иное, как рифмованная/рисованная инструкция к запуску гуманистической программы в каждом отдельно взятом человеке. Раскрытие сути процесса, способного повлиять на развитие навыков использования всех органов чувств: научиться видеть, слышать и обонять. Таким образом суметь принять ответственность своего существования как частицы мира и, наконец, жить в гармонии.

Иногда, стоя перед каким-то видом с холмами, пролесками и ручьями, мало пить глазами окёмы. Хочется глотнуть вод и дышать листвой. Просто слушать, видеть и осознать мало. Хочется в себя вид впустить, поселить, то ли сделать его своей частью, то ли себя — его.

Проект «Стихи с природой» — это как раз воплощение такого желания, такой необходимости стать миром. Это слияние двух способов ощущения прекрасного — в рисунке и в рифме. Это донесение до людей не волшебства слова или линии, это совместная магия двух искусств с одной целью — углубить ту бороздку, которую рождает в душе прекрасное. «Стихи с природой» — не иллюстрации к строкам, не строки, подергивающие рисунок, это одно произведение, сила которого в том,

что два разных автора слили своё творчество в один сплав, в одном месте, в одно и то же время.*

Жить сейчас, жить тем, что имеешь, научиться принимать вещи и явления такими, как они есть. Об этом все песни акынов — людей, которые не могли не петь о красоте, рождённой вечным движением мира. В чём же специфика данного альбома? В процессе, который, безусловно, гораздо важнее результата. Актуально не место, могло быть и не Бали. Так сложилось, что оба автора в данный момент живут именно на этом острове. Важен процесс. А более всего важно то, что процесс наличествует тогда, когда нет суеты. Только в момент остановки, в момент замены движения внешнего на внутреннее человек способен почувствовать дыхание вселенской центрифуги. Отражение этого мощного процесса — внутреннего переживания — калькой лежит на каждом фрагменте альбома: решение, намерение, фиксация.

Понятие «Триеровский лес» уже стало нарицательным в современном мире. Страшный густой лес, наполненный высокими травами и огромными дубами, не принимающий людей, в отместку за вмешательство поражающий их безумием. Лес в вечном тумане, конденсирующий в себе все наносные страхи человечества, спастись от которого можно только в городах. Но страшен не лес. Может, попробовать остановиться? Перестать пестовать страх перед жизнью, облекающий сверкающий мир в неприглядную, отталкивающую оболочку, и увидеть, не побоявшись прослыть глупцом или простаком, всю красоту игры солнечных лучей в кронах деревьев или почувствовать запах трав, покрытых утренней росой?

Юлия Гниренко

Родилась в Нижнем Тагиле, живёт в Москве. Искусствовед, организатор междисциплинарных и художественных проектов.